

Зарин Андрей Ефимович

Секрет Забужского

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А65

А65 **Андрей Ефимович З.**
Секрет Забуцкого / Зарин Андрей Ефимович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 52 с.

ISBN 978-5-519-85697-3

ISBN 978-5-519-85697-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Секретъ Забुцкаго.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Какъ мы попали въ еврейскую молельню и даже основались въ ней, этого никто бы изъ насъ не смогъ объяснить.

Каждый день, во время большой перемѣны, мы перебѣгали площадь, отдѣлявшую нашу гимназію отъ молельной, и располагались въ ея убогомъ полутемномъ помѣщеніи, какъ у себя дома.

Мы вбѣгали во дворъ, съ правой стороны котораго стоялъ старый деревянный флигель съ тремя тусклыми окнами, сходили на три ступени крыльца, отворяли дверь, на косякѣ которой была прибита крѣпко свернутая, вся замусленная отъ прикосновенія грязныхъ пальцевъ бумажка „тфелинъ“, и входили въ молельную. Сразу, съ улицы, она казалась такъ темна, что разоб- рать нельзя было ничего, только слышалось монотонное, нараспѣвъ чтеніе двумя-тремя крикливыми голосами и, покрывая крикъ, изъ темноты раздавался радушный голосъ:

— Здравуйте вамъ!

Это привѣтствовалъ насъ шамешъ, служитель и сторожъ, добродушный Іозель, у котораго были крошечныя уши, громадныя шлепающія губы и приплюснутый носъ.

Глаза быстро освоивались съ сумракомъ огромной комнаты. Налѣво въ углу стояла большая желѣзная печка, по стѣнѣ тянулась скамья, а въ углу напротивъ видна была маленькая дверь, которая вела на „хоры“, — темныя антресоли съ тремя скамьями и занавѣскою, — гдѣ сидѣли во время службы женщины; посреди комнаты стоялъ на возвышеніи столъ, вродѣ аналоя, въ шкапу котораго помѣщались священныя тора и книги; подлѣ насъ, подъ окнами, стояла другая скамья, а передъ нею длинный столъ, за которымъ обыкновенно, въ эту пору сидѣли два-три тощихъ мальчугана и, зажавъ пальцами уши, раскачивая рыжими и черными головами надъ книгами, нараспѣвъ выкрикивали непонятныя намъ слова.

Въ молельной была и школа, но ученіе въ ней происходило рано утромъ и позднѣе полудня, когда собиралось до 20 галдящихъ мальчугановъ и приходилъ самъ меламедъ, *) блѣдный, съ черными волосами и черными на выкатѣ глазами, лѣтъ тридцати мужчина.

Въ эту-же пору оставались или недоучившіе своего урока или очень прилежные ученики. На моментъ послѣ нашего прихода ихъ выкрикиванье смолкало, но потомъ они снова затыкали себѣ уши и начинали кричать съ удвоенной силою.

— Здравствуй, Іозель!—говорили мы и располагались завтракать. На одномъ концѣ стола крошечные еврейчики зубрили свои тексты, а на другомъ усаживались мы и ѣли, а съ нами и огромный Іозель, отъ котораго часто пахло чеснокомъ и всегда селедкой, что возмущало аристократическія чувства Забужкаго.

Забужкій былъ графъ, настоящій ясновельможный панъ; имѣнія Забужкихъ подѣ Ковною поражали своими размѣрами и, естественно, что его коробило общество

*) Меламедъ—учитель.

лохматаго, грязнаго и некрасиваго Іозеля. Въ сущности же оба они были хорошіе люди. Когда въ нашей компаніи графъ Забуцкій обращался въ простаго Казю, не было милѣе его товарища. Когда Іозель, мотая головой и шлепая губами, рассказывалъ намъ про ученость меламеда или передавалъ спутавшіяся въ его гсговѣ въ безпорядочный клубокъ поэтическія преданія Талмуда, онъ былъ прекрасенъ въ своей чисто-дѣтской простотѣ.

Но времени у насъ было только полчаса и, съѣвъ завтракъ, мы тѣмъ же бѣглымъ шагомъ возвращались въ училище.

Когда же случалось, что у насъ освобождался цѣлый урокъ до большой перемѣны или послѣ нея, и въ нашемъ распоряженіи оказывалось времени почти полтора часа, тогда въ той же молельной мы устраивали настоящій пиръ.

Мы много ѣли, болтали, поднимали возню съ ребятами и время проходило незамѣтно.

Случалось, при насъ приходилъ меламедъ, чинно здоровался и заводилъ съ нами бесѣду. Мало-по-малу собирались ученики. Мы тихо перебирались на другой конецъ комнаты на скамью и разговаривали вполголоса. Ученики разсаживались, раскрывали книги, затыкали себѣ уши и тотчасъ принимались выкрикивать нараспѣвъ.

И подъ этотъ гвалтъ меламедъ ходилъ взадъ и впередъ, опустивъ голову, засунувъ руки за широкій поясъ и, время отъ времени, кричалъ: „ша!“

Иногда онъ подходилъ къ намъ, но никогда не рѣшался закусить вмѣстѣ съ нами.

Михаилъ Кожинъ, длинный и тонкій, съ острымъ, какъ шило, носомъ, считавшійся у насъ очень умнымъ и бывшій у начальства „на счету“, часто при этихъ случаяхъ нападалъ на меламеда.

— Отчего вы не учите этихъ дѣтей читать, писать по-русски и арифметикѣ, а мучаете ихъ этой зубряжкой?—съ задоромъ спрашивалъ онъ.

Меламедъ качалъ головою:

— Русскому они выучатся, потому имъ всёму кушать надо; считать тоже ихъ жизнь научить, а теперь пусть они укрѣплятся въ вѣрѣ и узнаютъ такое, что въ другое время имъ никто не скажетъ.

— Выучили бы, чему надо, отдали бы въ гимназію и стали бы они настоящими людьми.

Меламедъ грустно усмѣхался.

— Пхе! этого всякій еврей хочетъ, а гдѣ у него гроши? а? Мальчика учить надо, хорошо учить, чтобы онъ зналъ все зееръ-гутъ. Мальчика одѣть надо, книги надо. За мальчика платить надо. Это надо богачемъ быть, какъ Мендельсонъ, Зюцъ, Каценъ... а здѣсь все бѣдные...—Меламедъ даже сдвигалъ свою шапку на затылокъ и на щекахъ его выступали красныя пятна.

— Положимъ,—вмѣшивался Довойно, добродушный красавецъ-полякъ съ нѣжнымъ, какъ у дѣвушки, взглядомъ,—у насъ Кварта учится, Шкловскій, а они совсѣмъ бѣдняки.

Меламедъ подымалъ плечи до ушей.

— Ну, есть и такіе! Такъ они, что вы себѣ думаете? Они даже селедку не каждый день кушаютъ, да! Они, чтобы сына учить, ниткой тянутся; съ кровью деньги даютъ, да! А ежели въ семьѣ есть восемь дѣтей, какъ же ихъ всёхъ учить? Нѣтъ, тутъ надо быть очень богатымъ! — оканчивалъ онъ грустно, опускалъ плечи, надвигалъ шапку и, громко закричавъ „ша!“, начиналъ муштровать кого-нибудь изъ своихъ питомцевъ.

II.

Случалось, подъ впечатлѣніемъ этой бесѣды мы говорили между собою на эту тему. Говорилъ больше Кожинъ съ жаромъ, съ волненіемъ, при чемъ я и Довойно всегда присоединялись къ его мнѣнію, а Забуцкій оставался при собственномъ и вступалъ въ споръ, который нерѣдко оканчивался охлажденіемъ между нимъ и Кожинымъ.

Не могу уловить и припомнить момента и обстоятельства, когда мы составили дружескую компанію, но сейчасъ она представляется мнѣ, дѣйствительно, немного странной.

Я—съ мечтательными наклонностями, совершенный бѣднякъ, сынъ труженика свободной профессіи; Кожинъ—сынъ акцизнаго чиновника, постоянно кипящій, волнующійся, проникнутый какой-то странной злобою ко всякому знатному, богатому или важному чину, совершенно не переносящій несправедливости. А съ другой стороны—безпечный, всегда веселый, Станиславъ Довойно, сынъ богатаго помѣщика, и графъ Казиміръ Забуцкій. Но мы жили дружно, скучали одинъ безъ другаго, и Кожинъ великодушно прощалъ Забуцкому и его титулъ, и его богатство, а Забуцкій съ добродушной улыбкой относился къ иногда рѣзкимъ выходкамъ Кожина.

Собирались мы чаще всего у Кожина.

Онъ жилъ въ особой пристройкѣ съ отдѣльнымъ ходомъ. Родители его совершенно не стѣсняли насъ, у него нашла пріютъ наша бібліотека, и мы раза три въ недѣлю собирались у него и проводили время въ разговорахъ, чтеніи и спорахъ далеко за полночь.

Хорошее было это время. Мы знали еще очень мало, но горячо стремились къ всеобъемлющему знанью. Опытъ жизни еще не коснулся насъ и мы знали о ней только по хорошимъ книгамъ, и мечты наши рвались на борьбу и страданія за правду. Въ горячихъ спорахъ, въ одинокомъ раздумьѣ мы часто открывали истины, которыя словно озаряли насъ, и ликовали; а потомъ оказывалось, что это и открыто, и выяснено гораздо полнѣе и лучше и гораздо раньше, чѣмъ появились на свѣтъ наши отцы.

Ничего! Это было все же хорошее время, когда кипѣли мысли, когда жаждой дѣла и подвиговъ безпокойно томилось сердце. И все хорошее, что осталось у насъ и въ насъ, зажглось въ ту благословенную пору.

Понятно, было всего. Собираясь, мы и сплетничали, и судачили, и рассказывали глупые анекдоты, и пѣли, и играли.

Тогда оживлялись Довойно и Забуцкій.

Забуцкій умѣлъ особенно хорошо рассказывать анекдоты изъ еврейскаго быта, удивительно подражая произношенію и манерамъ евреевъ, а Довойно умѣлъ такъ искренно смѣяться, что всегда заражалъ всѣхъ.

Но Кожинъ часто и довольно рѣзко прерывалъ это наше веселье.

— Не понимаю, чего тутъ смѣшного. Ломать языкъ, подражая бѣдному еврею. Глупо.

— Моралистъ,— отзывался Забуцкій,— разъ это комично.

— И если это все намъ Іозель говорилъ? — вступался Довойно.

— Іозель!—восклицалъ Кожинъ,—что онъ, типъ что-ли? Если типъ, такъ глупаго человѣка, какой есть и среди насъ, и среди поляковъ, и всякой націи.

— Только въ каждой націи глупость будетъ по-своему выражаться,—лѣтниво замѣчалъ Забуцкій, и споръ загорался.

— Ты, какъ ясновельможный панъ, ненавистникъ евреевъ, ты юдофобъ!—кричалъ Кожинъ.

— А, сдѣлай милость! Если отъ твоего Іозеля пахнетъ, какъ отъ селедочной бочки, если отъ него несетъ чеснокомъ и онъ грязенъ, то онъ мнѣ противенъ!

— Ты ему подари новый костюмъ...

— И замараешь черезъ недѣлю...

— Не онъ, а нищета, бѣдность, убожество!..

— Ну, умыться—денегъ ни гроша не надо.

— А наши мужики чище, а твои холопы опрятнѣе?

— Если и они такіе, то тоже скверно.

— Ты на душу гляди!

— А мнѣ Богъ съ ними,—отвѣчалъ Забукій и съ дѣланной усталостью зѣвалъ: — спать надо, по домамъ пора!

— И кто только насъ спуталъ съ этимъ бариномъ?— съ раздраженнымъ недоумѣніемъ говорилъ мнѣ Кожинъ.—Я даже не понимаю, какъ это онъ снисходитъ до насъ.

— И ничего подобнаго,—старался смирить я его, — Казиміръ великолѣпной души парень, а что родился графомъ—въ этомъ не его вина.

— Иногда онъ мнѣ омерзителенъ,—ворчалъ Кожинъ, —особенно, когда у него на лицѣ эта брезгливая гримаса появляется.

III.

Въ Забуккомъ, правда, было что-то такое, что иногда вдругъ дѣлало насъ совсѣмъ чужими. Случалось, сдѣлаетъ онъ какой-нибудь жестъ, гримасу, процѣдить пренебрежительнымъ тономъ фразу—и словно стѣна подымется между нами.

Разъ мы это особенно почувствовали, когда онъ позвалъ насъ къ себѣ. Жилъ онъ у дяди своего, графа

Луцкаго-Зборовскаго-Мглинскаго, маркиза де-Самборъ, и занималъ одною своею персоною три комнаты. Мы ничего этого и не знали. Ввалились было къ нему, какъ къ Кожину, чуть не въ калошахъ, и сразу оторопѣли. Внизу, въ подъѣздѣ, встрѣтилъ насъ швейцаръ и съ степенностью вельможи предложилъ намъ снять пальто и калоши, снисходительно указавъ намъ на вѣшалку. Потомъ позвонилъ и крикнулъ наверхъ широкой лѣстницы:

— До пана Казиміра!

И тотчасъ наверху лѣстницы показался степенный человѣкъ во фракѣ и бѣлыхъ вязанныхъ перчаткахъ.

Мы совсѣмъ присмирѣли, подымаясь по лѣстницѣ, покрытой ковромъ, и чувствуя на себѣ покровительственный взглядъ швейцара.

Человѣкъ во фракѣ поклонился намъ и повелъ насъ по комнатамъ, осторожно выстукая и полусогнувшись, словно у него болѣла поясница.

Мы пришли въ маленькую комнату, гдѣ намъ навстрѣчу поднялся мальчикъ, одѣтый въ курточку съ доброй сотней пуговокъ на груди, которыя были нашиты ровными рядами.

Человѣкъ во фракѣ передалъ насъ мальчику въ куртку и тотъ ввелъ насъ къ Казиміру.

Казиміръ встрѣтилъ насъ дружески просто, но мы не сразу пришли въ себя.

— Ну, и порядки, — сказалъ Кожинъ, — и тебя они также водятъ?

— Зачѣмъ? Я дорогу знаю! — засмѣялся Казиміръ. — Ну, садитесь!

Громадная комната, покрытая коврами и шкурами; мягкая мебель; высокіе изящные шкапы; по стѣнамъ оружіе; по угламъ чучела звѣрей; рыцарь въ доспѣхахъ. Ничего подобнаго мы не видали. А тутъ мальчики въ курткахъ съ пуговками появились съ подно-

Внизу, въ подъѣздѣ, встрѣтилъ насъ швейцаръ и предложилъ снять пальто.

сами и угощеніемъ. Мы поняли тогда, что Казиміръ нашъ товарищъ только по гимназіи. Кончатся годы ученія, и наши дороги пойдутъ совсѣмъ въ разныя стороны и никогда не встрѣтятся...

— Фу, словно изъ бани вышелъ,—сказалъ Кожинъ, когда мы возвращались домой.

Я молчалъ, а Довойно ему поддакнулъ:

— Я зналъ, что онъ богатый,—сказалъ онъ,—но не думалъ, что такой!

Мы больше не ходили къ Забуцкому въ гости и онъ насъ не звалъ. Сходились опять въ молельной, у Кожина, у меня и, мало-по-малу, впечатлѣніе это стерлось, и опять Казиміръ сталъ нашимъ товарищемъ. Только у Кожина не проходило это воспоминаніе и онъ любилъ говорить не безъ ѣдкости:

-- Извѣстно, баринъ!..

Возмущало Кожина особенно поведеніе Іозеля и мела-меда въ молельной по отношенію къ Казиміру. Іозель всегда торопился провести засаленнымъ рукавомъ своего кафтана по скамьѣ, на которую собирался сѣсть Казиміръ, а меламедъ съ особой почтительностью глядѣлъ на него и ко всякому слову Казиміра относился съ особой внимательностью.

Казиміръ же словно не замѣчалъ этого.

— Вѣковая приниженность, — объяснялъ Кожинъ, когда я выражалъ удивленіе этому отношенію,—евреи въ Западномъ краѣ самый униженный народъ. Особенно по отношенію къ полякамъ.

И вечеромъ онъ нападалъ на Казиміра:

— Какъ ты можешь переносить это? Ты долженъ установить равныя отношенія!

— А мнѣ что? —пожимая плечами говорилъ Казиміръ,—если они меня любятъ.

— Это не любовь...